
В. Б. УСТЬЯНЦЕВ, Д. А. АНИКИН

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ОПЫТ
ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Социальная память как категория философского знания прошла долгий путь концептуализации, сопровождающийся кардинальными методологическими сдвигами в самом понимании данного термина. В условиях стабильного существования таких замкнутых политических субъектов, каковыми являлись национальные государства, понятие социальной памяти характеризовало преемственность и воспроизводство устойчивого запаса исторических знаний, определяющих национальную идентичность. Но методологический потенциал такого понимания социальной памяти оказался исчерпанным в результате активизации глобализационных тенденций.

В условиях информационного плюрализма и тесного переплетения экономических и политических взаимосвязей в глобальном мире все более насущным становится переосмысление социальной памяти в рамках социально-философского дискурса. Дело не в том, что прошлое перестает быть актуальным элементом современного социального ландшафта. Как указывает Д. Лоуэнталь, «завладевшая нами ностальгия, маниакальный поиск истоков, повальное увлечение исторической консервацией, сильнейшая приверженность к национальному наследию – все это показывает, с какой интенсивностью мы по-прежнему ощущаем прошлое»¹. Иначе говоря, социальная память утрачивает свою статичность и становится подвижным и динамично изменяющимся явлением, которое необходимо исследовать в контексте социально-политических процессов, протекающих в обществе риска. Целью данной статьи является определение тенденций трансформации социальной памяти в об-

---

¹ Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна. – СПб., 2006. – С. 24.

естве риска и выявление оснований для концептуализации социальной памяти в рамках постклассической методологии социально-философских исследований.

Уже в начале 90-х гг. XX в. У. Бек диагностировал, что социальные и экономические процессы незаметно утратили свою результативность – вместо производства общественных благ они стали создавать риски, причем не только для непосредственных участников данных процессов, но и для всех окружающих. Подобная невозможность быть устраненным из сферы риска, не испытывать на себе негативные последствия уже запущенных чужой волей процессов позволила немецкому философу и социологу провозгласить наступление «общества риска»². С социально-философской точки зрения сущностными характеристиками такого типа социального устройства являются, с одной стороны, неспособность общества изменить характер сложившихся процессов воспроизводства социального, а с другой – стремление заложить в оценку эффективности данных процессов потенциальные риски и добиться их минимизации. Разумеется, в значительной степени современные социальные институты пытаются вести борьбу не с источниками рисков, заранее предупреждая их появление, а лишь с их последствиями, что значительно снижает эффективность стратегий минимизации и только способствует усилению рискогенности всего глобализованного социума.

В своих более поздних работах У. Бек подчеркивает, что необходимо отличать глобализм как экономическое течение, отстаивающее идею всемирного рынка и полезность трансграничного движения капитала, от более всеобъемлющей идеи, именуемой У. Бекем «космополитическим мировоззрением». Как указывает немецкий ученый, «космополитическое мировоззрение необходимо как предварительное условие изучения процесса преодоления границ, который пробуждает неонациональный рефлекс, заставляющий вновь выстраивать ограды и барьеры»³. Глобализация рисков, ставящая любое общество вне зависимости от его принадлежности к развитым или развивающимся в состояние постоянной угрозы,

² Бек, У. Общество риска. На пути к новому модерну. – М., 2000. – С. 46.

³ Он же. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – С. 26.

требует не только институциональной космополитизации (создания системы межгосударственных механизмов урегулирования данных рисков), но и формирования новых форм мышления, постановки проблем и поисков решений. При этом вполне естественно, что формирующееся глобальное мировоззрение сталкивается с осознанным стремлением как отдельных индивидов, так и целых сообществ к сохранению существующей социальной идентичности.

Можно констатировать, что утопическими представляются размышления многих современных теоретиков о том, что в современном обществе актуализируются тенденции уменьшения рисков и конфликтов, стабилизации социальной ситуации и снижения межкультурных противоречий. «Общество риска» становится методологическим концептом, описывающим не просто отдельные проблемы в экономическом или экологическом развитии общества, но диагностирующим изменившийся характер самой человеческой цивилизации, в которой любое явление представляет собой потенциальную угрозу. Без учета тех рисков, которые несет с собой изменяющееся отношение людей к своему прошлому, невозможно выстраивание контуров нового, глобального мира, создание общечеловеческой цивилизации и прогнозирование ее развития на долгосрочный период.

Несмотря на то, что в последние годы происходит резкое ускорение технологических и социально-экономических преобразований, прошлое по-прежнему остается важнейшим источником легитимации социальных институтов. Даже политические и юридические споры, касающиеся перераспределения экономических ресурсов, опираются на понятия исторического приоритета, что позволяет считать социальную память неотъемлемым элементом современного социального устройства. Вместе с тем основная функция социальной памяти, а именно – создание и поддержание идентичности определенных социальных сообществ, начинает в условиях общества риска наделяться негативными характеристиками, поскольку производство идентичности оказывается напрямую связано с производством *идентификационных рисков*. Под идентификационными рисками понимаются потенциальные угрозы существованию определенной социальной группы, вызываемые созданием или поддержанием социальной памяти, провоцирующей

конфликты с другими социальными группами на религиозной, национальной или какой-либо иной основе.

Современная глобальная ситуация оказывается прямо противоположной эпохе созидания национальных государств, когда все доступные государственные ресурсы задействовались в процессе закрепления за политическими субъектами определенных зон экономического влияния. Национально-государственный тип социальной памяти в этот момент находился на пике своей популярности, поскольку для подкрепления своих притязаний (прежде всего территориальных) требовалось постоянное повторение рассказываемых историй с целью усвоения национальной идентичности всеми жителями территории, охваченной влиянием того или иного государства. В современном обществе происходит деконструкция национальной памяти, расчленение ее до составных элементов с целью возможности собирания из этой мозаики совершенно иного типа социальной памяти, позволяющего избежать конфликтов между образами прошлого, транслируемыми в различных национальных государствах. Трудности, переживаемые в настоящий момент национальной памятью, вызваны не только внешним натиском со стороны глобализирующих тенденций мирового развития, но и дискомфортом в процессе самоидентификации с определенной национальной общностью – во многом из-за того, что социальная память многих подобных общностей в результате бурных событий последнего столетия оказалась запятнана фактами, нуждающимися скорее в забвении, нежели в сознательном запоминании и реконструировании. Национальная идентичность, основывающаяся на сохранении в памяти социального сообщества событий национальной истории, становится чересчур дискомфортной, что заставляет индивида искать альтернативные способы идентификации – через соотнесение себя в первую очередь с другими социальными общностями либо через приобретение виртуальной идентичности.

Структура социальной памяти, свойственная индустриальному обществу, в котором господствовал печатный тип коммуникации (книжная культура), подвергается системной трансформации, осуществляющейся на всех уровнях функционирования социальной памяти. Социальная память включает в себя следующие уровни:

1. Социальная память как информационная система, где действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и воспроизведения информации о прошлом. В зависимости от носителей социальной информации (технические системы, социальные связи, предметы культуры, язык) выстраиваются мнемические программы социальной памяти, структурируются артефакты информационного пространства. Сохраняя информацию о прошлом, артефакты, помимо знаковых систем, содержат духовные матрицы исторического сознания своей эпохи. Способность общественного разума оберегать, удерживать прошлое в информационных системах выражает фундаментальную способность человека как родового существа к безграничному саморазвитию и расширению своего жизненного пространства в национальных и глобальных масштабах. Концентрируя информационные потоки, социальная память выделяет, сохраняет и транслирует «артефакты-тексты», содержащие информацию о социальном поведении, типах и способах управления общественными структурами, аккумулирует знания об окружающем мире. Особое значение приобретает доминирование определенного способа коммуникации, посредством которого человек обращается к информационным ресурсам.

2. Социальная память как особая институциональная структура, создаваемая людьми для воспроизводства материальных и духовных ценностей цивилизации. Учреждения культуры, архивы, банки информации, социально закреплённые стандарты и другие институциональные формы социальной памяти пронизывают все стороны жизни общества, выражают порядок социальной жизни, без которого немислимо социальное пространство. При этом необходимо обратить внимание на то, что институциональное измерение социальной памяти может рассматриваться в двух методологических ракурсах. С одной стороны, социальная память структурируется диспозицией социального пространства, которое задано системой господствующих социальных институтов (государств), а с другой – механизмом воспроизводства социальной памяти является система специально создаваемых социальных институтов (архивы, музеи, библиотеки).

3. Социальная память как система ценностей, являющихся продуктом социокультурных практик. Как известно, практики высту-

пают человеческими формами активного отношения к миру, важнейшими факторами образования жизненного пространства человеческого рода и всеобщими основаниями культуры. В целом совокупность социокультурных практик, содержание которых составляет наследование человеческого опыта и превращение его в достояние цивилизации, становится субстанцией социальной памяти. Функционирование первоначальных структур социальной памяти определяется ранними типами информационной культуры человечества: культуры символических действий, культуры слова и культуры письменности. Но социальная память не только задает социокультурные стереотипы обращения к прошлому, она еще и является продуктом современных тенденций развития культуры, воплощает в себе современные ценностные установки. В этом смысле социальная память является крайне динамичным феноменом, функция которого по отношению к обществу в целом и к отдельным индивидам может варьироваться в зависимости от ценностных структур жизненного пространства общества.

Исходя из ключевых характеристик социальной памяти, можно выделить следующие изменения, происходящие в «обществе риска» на коммуникационном, институциональном и ценностном уровнях.

На *коммуникационном уровне* усиление рискогенных характеристик социальной памяти оказывается напрямую связанным с изменением способов коммуникации, развитием глобальных информационных сетей и, как следствие, глобализацией информационного пространства. Само понятие глобализации, как убедительно доказывает В. Л. Иноземцев, нельзя сводить к экономическим и социальным явлениям последних трех десятилетий XX в.⁴ Подобные интеграционные (в первую очередь – коммерческие) тенденции, в XVI столетии сводившиеся к открытию и осваиванию новых земель, в начале XXI в. наличествуют в виде информационных потоков, смыкающихся в единую информационную сеть. Именно на основе распространения информации, непосредственно определяющей экономический уклад постиндустриального

---

⁴ Иноземцев, В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль-XXI. – 2000. – № 1. – С. 20–22.

общества, становится возможно создание глобального социального пространства.

Если начальные формы глобализации осуществлялись в рамках деятельности государств, то современная глобальная ситуация перерастает прежние институциональные рамки, а сами государства становятся уже вторичными участниками глобализационных процессов. В этом смысле интересно то, что информация, потенциально являющаяся залогом создания глобального информационного пространства, свободного от влияния национальных или политических идеологий, выступает одновременно и как *ресурс*, обладание которым является условием доступа к власти.

Процесс соединения информационных структур индустриального общества и глобальных информационных сетей постиндустриального «общества риска» не проходит безболезненно. Уже сейчас можно констатировать, что человечество находится на пороге «мнемонических войн», когда страты и корпоративные субъекты, занимающие доминирующее положение в информационном пространстве глобализирующегося социума, стремятся собственную локальную историю превратить в глобальную «память мира», используя при этом ресурсы компьютерных технологий и масс-медиа. На фоне становления глобального проекта социальной памяти усиливается влияние локальных «мнемонических войн», связанных со стремлением отдельных политических субъектов переписать свою историю с позиций глобализма, встроить индивидуальные образы прошлого в общую картину прогресса общечеловеческой цивилизации.

На *институциональном уровне* трансформация социальной памяти в обществе риска непосредственно связана с изменением структуры социального пространства.

В европейской истории Нового времени основными субъектами, нуждающимися в легитимации собственной идентичности посредством конструирования определенной картины прошлого, были национальные государства. Получив распространение в эпоху постепенного исчезновения сословной структуры средневекового общества, они сумели объединить в пределах своего жизненного пространства практически все иные типы социальных общностей с присущими им практиками конструирования социальной памяти

и ее актуализации. Конечно, даже в условиях существования национальных государств всегда сохранялось немало особых «групп памяти», но истории, рассказывающиеся в таких группах, всегда оставались на периферии официальной памяти, представляя собой инварианты той картины прошлого, которая транслировалась государственными средствами коммуникации и обеспечивала воспроизводство национально-государственной идентичности⁵.

Современный кризис национальных государств под давлением процессов информатизации и глобализации вызывает к жизни необходимость пересмотра прежних типов памяти, которые концентрировались вокруг истории отдельных государств и вдохновлялись национальными ценностями, ценностями книжной культуры. На смену национальной памяти постепенно приходит память единого мирового сообщества, память глобальных социальных институтов, которые принимают на себя функцию репрезентации мирового сообщества в определенных сферах человеческой деятельности (ООН, НАТО и др.). Дело в том, что у человечества как целого никогда не было общей памяти. Возникновение самой идеи о человечестве как целом и соответственно о наличии общечеловеческой социальной памяти можно датировать только началом XX в., когда экономические, военные и социокультурные коммуникации заставили людей даже в самых отдаленных уголках Земли почувствовать себя населением одной планеты. Неолиберальный проект построения социальной памяти, реализуемый посредством идеи культурной глобализации, именно поэтому строится на отрицании расовых, национальных и классовых различий и подчеркивании тех черт, которые позволяют каждому индивиду осознавать себя не представителем конкретной социальной группы, а идентифицировать себя с человечеством в целом. Само собой разумеется, что образ «человечества» в данном случае строится по особым лекалам, разработанным в русле европоцентристской традиции, а достигнутые в результате развития этой традиции ценности во всеуслышание объявляются неотъемлемыми чертами всего человеческого рода.

Вполне естественной в этом случае представляется точка зрения, согласно которой общечеловеческий (или глобальный) тип

---

⁵ Бойцов, М. А. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 1. – С. 57.

социальной памяти должен конструироваться без учета индивидуальных траекторий развития отдельных цивилизаций или социальных групп. Сосредоточение внимания на уникальности и неповторимости исторического пути оказывается противоречием на пути становления глобальной идентичности, способной избежать культурных разломов и соответственно конфликтов на почве культурных предпочтений или исторического несоответствия.

Не менее резким трансформациям подвергается и система социальных институтов, осуществляющих трансляцию социальной памяти. В условиях методологического кризиса науки возрастает роль альтернативных массовых репрезентаций прошлого, к которым М. А. Кукарцева относит «художественные и документальные фильмы, PowerPoint презентации, компьютерные игры, музеи “живой истории”, цифровые архивы, медиа и пр.»⁶. Все эти репрезентации отображают различные формы социальной памяти, существующие в современном мире, искажая, с точки зрения профессиональных историков, «истинную» картину прошлого, но предлагая тот продукт, который оказывается востребован современным обществом в целом. Как отмечает А. Мегилл, именно с кризисом профессиональной историографии можно связать широкое распространение самого термина «социальная память», который начинает употребляться сразу в нескольких, хотя и тесно переплетающихся, значениях. Во-первых, социальная память апеллирует к *опыту*, который является общим для представителей определенной социальной группы и может варьироваться в зависимости от степени участия: непосредственные участники событий, свидетели и т. д. Во-вторых, социальная память может служить способом «приватизации» широкомасштабной *традиции*, ее интериоризации локальным сообществом. В-третьих, память может выступать как *коммеморация*, то есть как периодически повторяющееся событие, символически возрождающее то или иное событие прошлого, значимость которого в настоящем необходимо подтверждать с целью непрерывной социальной идентификации⁷.

⁶ Кукарцева, М. А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. – М.: Канон+, 2011. – С. 7.

⁷ Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // Способы постижения прошлого... – С. 120–121.

Рискогенность институционального уровня социальной памяти, следовательно, проявляется в необходимости освоения альтернативных способов репрезентации прошлого, без чего оказывается невозможным поддержание идентичности в рамках отдельного сообщества. Национальная память, проявляющая себя даже не в сознательном выборе определенного набора ценностей, а в имплицитных параметрах мышления как профессиональных историков, так и рядовых граждан, превращается в источник потенциальных рисков. Национальная память выражает выборочное отношение к прошлому. Один и тот же исторический факт не только может поддаваться различным интерпретациям в зависимости от того, какими политическими и культурными предпочтениями обладает этнос, обращаясь к этому факту, но и само его существование как исторического факта подвержено структурным изменениям. Понятно, что конкретное историческое событие не может быть лишено своих пространственных и хронологических характеристик (речь в данном случае не идет об уточнении исторических фактов, которым занимается профессиональная историческая наука), но оно может восприниматься либо не восприниматься национальным сознанием в качестве достаточно значимого факта, чтобы служить источником социальной и исторической идентификации. Для социальной памяти различных национальных или культурных общностей, проживающих на территории одного государства, в качестве истоков национального самосознания и национальной идентичности могут избираться различные исторические события, что ведет к конфликту различных вариантов социальной памяти; это проявляется даже на бытовом уровне: следует ли считать государственным праздником некое событие, если оно не представляется знаковым для одного или нескольких социальных сообществ или, что еще хуже, наделяется в их социальной памяти негативными коннотациями.

Национальная память постепенно теряет социальное влияние, поскольку строится на подчеркивании претензий к другим нациям и восхвалении собственного национального достоинства. Идентичность, основанная на таком типе памяти, строится на конфликтных ситуациях, поэтому может выступить фактором, затрудняющим успешное функционирование социальных общностей и социальных институтов в современном мире. От того, насколько

общество готово к усвоению технологических инноваций и «переводу» имеющейся социальной памяти в глобальное информационное пространство, зависит достижение социальной стабильности в настоящем и будущем.

На *ценностном уровне* социальной памяти также происходят существенные трансформации, способствующие увеличению идентификационных рисков.

Одним из ценностных векторов социальной памяти в современную эпоху становится функционирование в качестве источника коммерциализируемых образов. Образы прошлого становятся товаром, измеряются категорией полезности. Контуры формирующегося глобального общества начинают обрисовывать тотальный рынок, на котором представители различных стран и социальных общностей выступают равноправными потребителями глобальных товаров, распространяемых через коммуникативные сети. От социальной памяти массовое сознание требует не соответствия исторической действительности (ввиду сомнений в наличии таковой), а умение развлекать потребителя, предлагая ему прошлое как узнаваемый товар. В подобных условиях исчезает дилемма подлинной и фальшивой социальной памяти, которая остро стояла для М. Хальбвакса, стремившегося очистить память от субъективных наслоений и сделать ее верифицируемым научным источником, а проблема выбора того или иного типа памяти становится делом интерпретации исторических событий в контексте максимального удобства для современного положения дел⁸.

По сути, формируется глобальный тип социальной памяти, взаимодействие которого с памятью национальных общностей становится дополнительным фактором рискогенности, поскольку функционирование данных типов в памяти в рамках различных систем координат приводит к их столкновениям, порождающим кризисы идентичности у субъектов в глобализирующемся социальном пространстве. Этот ценностный разрыв проходит не только между политическими субъектами, но и в рамках локальных сообществ, разделяя людей на тех, кто готов принять новую глобальную конфигурацию прошлого, и на тех, кто стремится сохранить

---

⁸ Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 13–14.

привычные для себя нормы и ценности национальной социальной памяти. Глобализация социальной памяти становится, таким образом, вызовом, на который должно найти ответ любое государство, пытающееся включиться в структуру глобального социального пространства. В этой связи отдельной темой исследования является место национальной памяти России в структуре социальной памяти глобального мира. Сложная траектория исторического процесса российского социума в XX в. стала дополнительным фактором рискогенности, наложившим отпечаток на социальную память современного общества и способствующим его децентрализации и ценностным расколам. В связи с этим ключевой задачей социальных и политических структур современной России становится выработка общих образов прошлого, которые позволят осуществить консолидацию российского общества и его интеграцию в структуру глобального мира.

Можно подвести итоги философской концептуализации социальной памяти в условиях «общества риска», отметив, что методологические изменения обусловлены такими социальными тенденциями, как становление глобальной конфигурации социального пространства, плюрализация и интенсификация информационных потоков, а также кризис ценностных оснований человеческого бытия в результате коммерциализации и массовизации общественного сознания. Данные процессы заставляют отказаться от понимания социальной памяти в качестве элемента стабильного социального порядка и рассматривать ее в контексте глобализационных процессов. В условиях становления глобального общества риска социальная память может приобретать черты политического конструкта, способствующего увеличению рискогенных ситуаций во всех сферах человеческого существования. Но нельзя отрицать и тот эвристический потенциал, который несет тенденция к созданию глобальной социальной памяти, поскольку только достижение консенсуса по отношению к общему прошлому между субъектами формирующегося глобального сообщества позволит обеспечить стабильное существование человечества в XXI столетии.